КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Октября. №19. 1875 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО

въ день рождества пресвятыя Богородицы.

Вся слава дщери царевы внутрь.
Псал. 44, ст. 14.

Теперь слава сей дщери царевой, какъ Матери Богочеловѣка, сіяетъ на небѣ и на землѣ такимъ свѣтомъ, которому нѣтъ равнаго ни въ какой области сотвореннаго міра: св. церковь достойно величаетъ пречистую Дѣву Богородицу *честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимъ*. Но слава Богоматери начала открываться только тогда, когда окончилась земная жизнь ея; а пока она жила на землѣ, жизнь ея протекала въ глубочайшемъ смиренномудріи. Въ евангельской исторіи говорится о ней очень рѣдко и очень мало, меньше чѣмъ о комъ нибудь изъ учениковъ Іисуса Христа; а это значитъ, что она рѣдко являлась тамъ, гдѣ можно было бы видѣть ее въ нѣкоторой

славѣ; ибо св. евангелисты изображали то и такъ, что и какъ было на дѣлѣ. Такимъ образомъ *вся слава дщери царевой* была дѣйствительно *внутрь*.

Въ этомъ высокомъ примѣрѣ представляется совершеннѣйшій образецъ скромности, какъ добродѣтели христіанской вообще; но, частнѣе, въ немъ заключается глубоко поучительное указаніе на то, какъ надобно смотрѣть на общественное призваніе и поведеніе жены христіанской.

Съ тѣхъ поръ, какъ открылось на землѣ благодатное царство Христово, нѣтъ больше различія между мужемъ и женою по ихъ существеннымъ правамъ и обязанностямъ: о Христѣ Іисусѣ *нѣсть мужескій полъ*, *ни женскій*, точно также какъ *нѣсть іудей*, *ни еллинъ*, *нѣсть рабъ*, *ни свободь*, а всѣ—сыны Божіи по вѣрѣ (Гал. 3, 26—28). Поэтому однимъ изъ главныхъ признаковъ подлинно христіанскаго духа и направленія въ обществѣ надобно признать равноправность и равночестіе въ немъ мужескаго и женскаго половъ. Но эта равноправность мужа и жены никакъ не исключаетъ различія между ними по свойству ихъ душевныхъ и тѣлесныхъ дарованій. Какъ въ физическомъ отношеніи мущинѣ принадлежитъ преимущество крѣпости и силы, а женщинѣ—красоты и нѣжности; такъ и въ духовномъ—первому свойственно отличаться силою мысли и твердостію воли, а послѣдней—живостію чувства и нѣжностію сердца. Сколько бы воспитаніе ни сглаживало такое различіе, сколько бы самыя обстоятельства ни способствовали его уменьшенію, оно никогда совершенно не уничтожается, и—намѣренно стараться объ уничтоженіи его—значило бы дѣлать насиліе природѣ и домогаться чего-то неестественнаго. На этомъ различіи основывается различіе

частныхъ призваній мущины и женщины въ общественной жизни, различный кругъ и характеръ ихъ дѣятельности, и что пророчески сказано о пресвятой Дѣвѣ Богоматери, то должно имѣть приложеніе и ко всякой женѣ христіанской, то есть: достоинство, честь, слава женщины—въ такихъ качествахъ и дѣлахъ ея, которыя меньше всего способны выставляться наружу и по самой природѣ своей наиболѣе скромны.

Всмотримся еще внимательнѣе въ святѣйшій образъ пречистой Дѣвы Богоматери. Въ то время, какъ божественный Сынъ ея, устрояя на землѣ небесное царство, училъ народъ, собиралъ вокругъ себя вѣрующихъ, являлъ словомъ и дѣломъ божественную власть и славу Свою и предуготовлялъ обновленіе цѣлаго міра, Матерь Его пребывала въ скромной тишинѣ домашней жизни и оставалась какъ бы въ сторонѣ отъ той области дѣлъ, въ которой дѣйствовалъ Господь Искупитель и ближайшіе ученики Его. Кто дерзнулъ бы сказать, что Ей не близко, не ближе всѣхъ, было безконечно великое и благое дѣло Бога—Сына ея, что она не принимала въ немъ участія всею душею и сердцемъ, не заботилась о томъ, какъ понималъ его народъ и пр.? Тѣмъ не менѣе Она держалась вдали отъ того поприща, которое проходилъ Сынъ ея по плоти. И самъ Господь какъ бы нарочито во всеуслышаніе отстранялъ иногда Матерь свою отъ всякаго *вида* вмѣшательства въ божественныя дѣла Его. Такъ напримѣръ на бракѣ въ Канѣ галилейской, когда у праздновавшихъ не доставало вина и *мати Его глагола Ему: вина не имутъ*, какъ бы вызывая Его тѣмъ на чудотвореніе, Онъ отвѣчалъ: *что Мнѣ и тебѣ жено; не у пріиде часъ Мой* (Іоан. 2, 3—4), то есть: не требуй отъ Меня того, что Я долженъ дѣлать только по требованію

Моего служенія; Я знаю, когда Мнѣ должно являть силу свою. «И по вознесеніи Іисуса Христа на небо, Матерь Его продолжала наблюдать глубочайшую скромность въ средѣ самыхъ учениковъ Господнихъ. Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, въ повѣствованіи о собраніи апостоловъ и другихъ вѣрующихъ въ горницѣ сіонской, говорится между прочимъ слѣдующее: *сіи вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи, съ женами и Маріею, матеріею Іисусовою* (1, 14). Замѣтьте, какое мѣсто занимаетъ здѣсь имя матери Господней: о ней упоминается не только послѣ апостоловъ, но и послѣ женъ. Почему?—Безъ сомнѣнія, потому, что она вела себя такъ, какъ о ней написано. По внутреннему достоинству своему, она была несравненно выше всѣхъ; но видимо, въ собраніи апостоловъ, она поставляла себя на ряду съ другими женами, оставляя въ лицѣ своемъ примѣръ для всѣхъ женъ христіанскихъ. Не ясно ли отсюда, что и по духу евангельской жизни, также какъ по естественному различію свойствъ мужеской и женской природы, кругъ общественной дѣятельности жены не тотъ же, что кругъ дѣятельности мужа, а слѣдовательно настаивать на противномъ значило бы не возвышать ея достоинство, а только выводить ее изъ свойственной ей области занятій и такимъ образомъ низвращать правильный порядокъ общественной жизни?

Когда Апостолъ хочетъ показать качества истинной христіанки; то вотъ какія, между прочимъ, поставляетъ онъ условія достоинства ея: *аще чада воспитала, аще святыхъ нозѣ умы, аще странныя пріятъ, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть* (1 Тим. 5, 10). Мы видимъ здѣсь, конечно, такія добродѣтели христіанскія, которыя обязательны и для всѣхъ вѣрующихъ вообще; но по преимуще-

ству онѣ свойственны женамъ христіанскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто, наприм., можетъ замѣнить добрую и разумную мать въ воспитаніи дѣтей? Ея нравственное вліяніе на нихъ сильнѣе и благодѣтельнѣе всякаго другаго вліянія. Внушенія матери напечатлѣваются на сердцѣ и переживаютъ всякія другія внушенія, потому что память сердца тверже всякой другой памяти. Равнымъ образомъ, кто способнѣе жены христіанской внесть во взаимныя отношенія наши тотъ духъ кротости, дружелюбія, привѣтливости, снисхожденія, который такъ свойственъ любви христіанской и безъ котораго общественная жизнь, какъ бы ни казалась благоустроенною, не можетъ быть на самомъ дѣлѣ ни пріятною, ни прочною? Кто, въ особенности, моженъ сравниться съ доброю христіанкою въ дѣлахъ человѣколюбія, требующихъ не одной внѣшней помощи, но еще больше внутренняго участія къ страждущимъ? А это все дѣла, по наружности не блестящія, даже, чѣмъ меньше они выдаются и бросаются въ глаза, тѣмъ лучше, тѣмъ больше въ нихъ истиннаго достоинства и животворной силы. Это—подлинно *слава внутрь*, которую трудно видѣть, но легко и отрадно чувствовать. Слава другаго рода дѣлъ, свойственныхъ по преимуществу мужу, напр. общественнаго правосудія, воинскаго мужества, полезной промышленности и под., по необходимости является славою внѣшнею. Она нисколько не выше, а только виднѣе первой, но за то и опаснѣе, какъ поводъ къ высокомѣрію, тщеславію и другимъ порокамъ.

Отсюда видно, что всѣ доблести христіанской женщины, служитъ ли она обществу чрезъ семейство, или—болѣе непосредственно, содѣйствуя смягченію, облагороженію и нравственному возвышенію общественной жизни, имѣютъ характеръ скромныхъ, семейныхъ добродѣтелей, и въ этихъ

добродѣтеляхъ ея главное призваніе, въ нихъ—ея истинная честь и слава.

Къ чести нашего времени, безъ сомнѣнія, служитъ то, что нынѣ больше, чѣмъ когда либо, пишется и говорится объ уваженіи къ правамъ женщины. Хотя главный вопросъ объ этомъ разрѣшенъ давно, въ самомъ евангеліи; однакожъ и въ христіанскомъ мірѣ истина равноправности и равночестія между обоими полами не всегда ясно сознавалась и осуществлялась на дѣлѣ. Посему и не новое слово по этому предмету достойно всякаго вниманія. Къ сожалѣнію, не у всѣхъ такое слово вполнѣ согласно съ ученіемъ евангельскимъ и примѣрами истинно христіанской жизни, а, что всего прискорбнѣе, не рѣдко совершенно разногласитъ съ дѣломъ.

Говоря объ уваженіи къ женщинѣ, всегда ли уважаютъ въ ней тѣ именно качества, которыя должны составлять ея высокое достоинство? Цѣнятъ ли, какъ должно, въ ней ту истинную славу, которая *внутрь*, и такимъ образомъ содѣйствуютъ ли ей самой воспитывать въ себѣ тѣ прекрасныя свойства, которыя составляютъ ея внутреннее сокровище?—Если нѣтъ, то, проповѣдуя къ ней уваженіе, мы сами много препятствуемъ ей быть достойною уваженія. Возвышеніе женщины въ обществѣ возвышаетъ самое общество; это безспорно. Но тѣмъ печальнѣе, когда не дорожатъ въ ней тѣмъ, что составляетъ отличительныя черты ея достоинства, когда не опасаются притуплять въ ней чувства скромности, когда не боятся оскорблять ея чести и т. под.

Благо тому обществу, въ которомъ взаимныя отношенія членовъ основываются на евангельскихъ началахъ жизни и одушевляются высокими примѣрами евангельской чистоты

и святости. Люди думаютъ иногда какъ бы исправить или усовершить то, что установлено самымъ Господомъ; но въ такомъ случаѣ открываютъ только большій просторъ для страстей человѣческихъ. Нѣтъ, всегда и во всемъ *буее Божіе премудріе человѣкъ есть и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть* (1 Кор. 1, 25).

Протоіерей *Назарій Ѳаворовъ*.

Г. Лѣскову на нѣсколько его словъ, напечатанныхъ въ 15—16 №№ Гражданина сего года, по поводу Записки Высокопреосвященнаго Митрополита Арсенія о духоборческихъ и другихъ сектахъ.

Въ № 15—16 «Гражданина» напечатано «Нѣсколько словъ по поводу *записки высокопреосвященнаго митрополита Арсенія о духоборческихъ и другихъ сектахъ*». Выписываемъ это заглавіе, какъ оно есть въ Гражданинѣ на стр. 377.

Записка высокопреосвященнаго митрополита помѣщена въ февральской книгѣ трудовъ кіевской духовной академіи за текущій 1875 годъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Записка о молоканской и другихъ сектахъ въ Тамбовской епархіи*,—высокопреосвященнаго Арсенія митрополита Кіевскаго и Галицкаго». Давая мѣсто въ своемъ журналѣ этимъ *нѣсколькимъ словамъ*, Гражданинъ, чтобы возбудить вниманіе къ нимъ читающей публики, въ подстрочномъ примѣчаніи объясняетъ, что печатаемыя нынѣ замѣчанія на записку составлены авторомъ «Соборянъ» Н. С. Лѣсковымъ,

за которымъ, говоритъ, нельзя не признать большаго знакомства съ бытомъ нашего духовенства, а потому,—присовокупляетъ,—редакція съ удовольствіемъ даетъ мѣсто его замѣчаніямъ, не стѣсняясь тѣмъ, что она не со всѣми изъ нихъ вполнѣ согласна. Этимъ примѣчаніемъ редакція, конечно, хотѣла выставить на видъ важный авторитетъ составителя замѣчаній противъ авторитета кіевскаго митрополита Арсенія.

Эта забота «Гражданина» о выставкѣ предъ читающею публикою авторитета г. Лѣскова, автора «Соборянъ», представляется намъ совершенно напрасною, потому что составитель замѣчаній самъ не упустилъ изъ виду показать въ нихъ свой авторитетъ. Не говоримъ о выраженіяхъ, въ какихъ относится онъ къ автору записки, называя его то высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, то митрополитомъ Арсеніемъ, то митрополитомъ кіевскимъ, то всемилостивѣйшимъ кіевскимъ архипастыремъ, то кіевскимъ владыкою, то *господиномъ* митрополитомъ, то его высокопреосвященствомъ, то достопочтеннымъ авторомъ записки и пр.,—не говоримъ о той самоувѣренности, съ какою критикуетъ высказанные въ запискѣ митрополита кіевскаго мысли и сужденія о предметѣ,—не говоримъ о диктаторскомъ тонѣ, съ какимъ произноситъ свои собственныя категорическія сужденія, даетъ проэкты и наставленія,—на все это авторъ имѣетъ право, какое онъ хорошо чувствуетъ за собою, считая себя едва ли не одного знатокомъ дѣла, а другихъ не понимающими или мало понимающими его. Такъ выражается онъ о себѣ: «у сектантовъ духоборческой ереси, можетъ быть, и есть свои политическіе взгляды, но *я* ни отъ одного изъ нихъ никогда не слыхалъ и проч.». Т. е. авторъ говоритъ, что онъ духоборческую ересь самъ непосредственно изучалъ, что онъ

самъ бесѣдовалъ со всѣми духоборцами и ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ и проч. Но если онъ не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ о политическихъ взглядахъ молоканъ и духоборцевъ, то мы сообщимъ автору замѣчаній нѣкоторыя неизвѣстныя ему свѣдѣнія по этому поводу. Въ 1813 г. новгородскій губернаторъ въ своемъ донесеніи писалъ, что «молоканы самые вредные для правительства и отвергаютъ власть гражданскую» что подтверждено и слѣдствіемъ (дѣло въ Арх. Деп. общ. дѣл. 1813 № 4); начальникъ VI округа корпуса жандармовъ въ своемъ донесеніи (изъ тамб. губ.) считалъ эту секту болѣе *политическою*, чѣмъ религіозною (Дѣло въ Арх. Деп. 1833 г. № 2). Св. Синодъ при распредѣленіи сектъ на отдѣлы вотъ что писалъ въ своемъ опредѣленіи о молоканахъ и духоборцахъ: «молоканы, хотя по видимому держатся св. писанія, но берутъ изъ него только то, что имъ нравится. Не признаютъ никакихъ таинствъ, никакой іерархіи, не принимая присяги, не уважаютъ вѣрности и никакой власти, не признаютъ ее богопоставленною, повинуются только, поколику нельзя противиться. Секта разрушительная. Духоборцы, сколько извѣстно, одного духа съ молоканами». (Дѣло 1842 г.. См. еще Дѣл. въ Арх. Деп. 1843. № 125 1844 г. № 190). Думая, какъ кажется, обличить автора записки высопреосвящ. митрополита Арсенія «въ незнаніи», откуда молокано-духоборцы берутъ иносказательныя толкованія книгъ св. писанія, г. Лѣсковъ разрывается сильнымъ негодованіемъ на то, что у насъ до сихъ поръ не обращено должнаго вниманія на книгу Іоанникія Голятовскаго «Ключъ разумѣнія». При многихъ, говоритъ, моихъ столкновеніяхъ съ представителями нашего клира, я убѣдился, что большинство духовныхъ лицъ даже вовсе не знаетъ, что въ сей книгѣ заключается. Удивительное

небреженіе это всего болѣе непонятно тамъ, гдѣ вокругъ ходитъ ученіе духоборцевъ, нерѣдко проповѣдующихъ съ прямыми ссылками на книгу «Ключь разумѣнія». По ней, говоритъ онъ, духоборцы дѣлаютъ многія возраженія православнымъ священникамъ, а тѣ не знаютъ откуда это берется и все только клеплютъ на нѣмцевъ, чѣмъ сугубо смѣшатъ сектантовъ» [1]). Не это только, но и многое другое лично извѣстно автору *Нѣсколькихъ словъ*: «я часто слышу, говоритъ онъ, эти толки о поставленіи священниковъ въ положеніе независимое отъ прихожанъ и проч.» Авторитетное *я* особенно часто выступаетъ у составителя замѣчаній на записку съ тяжестію, какая бываетъ нужна для убѣжденія безавторитетнаго противника. Въ силѣ своего ученаго авторитета г. критикъ столько убѣжденъ, что не представляетъ, чтобы могъ быть такой авторитетъ, который устоялъ бы противъ него. «Я,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ замѣчаній,—утверждаю и, если объ этомъ можетъ быть споръ, берусь отвѣтственно доказать, что...» и проч. (381 стр.). Конечно, предъ такимъ важнымъ учено-литературнымъ авторитетомъ можетъ ли устоять авторитетъ высокопреосвященнаго митрополита кіевскаго, десять лѣтъ подвизавшагося противъ молокано-духоборческой и другихъ сектъ тамбовской епархіи во время управленія этою епархіею 1832—1841 г., напечатавшаго въ свое время спеціальное сочиненіе о молоканской сектѣ, и обратившаго

---

[1]) Да гдѣ духовенству и достать эту книгу, когда она, по словамъ самаго автора (стр. 378), находится только въ нѣкоторыхъ избранныхъ библіотекахъ? Для насъ, поэтому удивительно не незнаніе духовенствомъ «Ключа разумѣнія», а удивленіе автора по этому поводу.

изъ нея болѣе 3000 душъ въ лоно святой православной церкви?...

Въ замѣчаніяхъ на записку кіевскаго митрополита, напечатанныхъ Гражданиномъ, не удивляетъ насъ отсутствіе того уваженія, съ которымъ русскіе люди привыкли относиться къ высшимъ лицамъ нашей церковной іерархіи: въ свѣтской и особенно газетной литературѣ это явленіе сдѣлалось обычнымъ. Выскажетъ частное лице свое мнѣніе, не согласное съ мнѣніемъ другаго; ему возразятъ спокойно. Выскажетъ тоже мнѣніе лице іерархическое (и чѣмъ выше поставленное, тѣмъ хуже); противъ него разрываются или прямою бранью или колкими, прикрытыми кажущеюся учтивостью, двусмысленными фразами. Не удивляетъ насъ также отсутствіе деликатнаго такта, съ какимъ истинно—ученый относится къ мнѣнію другаго, съ его воззрѣніями не согласному, сознавая по собственному опыту, съ какимъ трудомъ выработывается нашею мыслію всякое воззрѣніе на предметъ ученаго характера, хотя бы даже и одностороннее. Въ замѣчаніяхъ на записку кіевскаго митрополита насъ болѣе всего удивляетъ отсутствіе самаго перваго условія въ нашемъ мышленіи, безъ коего ни объ одномъ предметѣ нельзя разсуждать правильно, именно—представленія предмета, о которомъ хочу я разсуждать. Простой и здравый смыслъ говоритъ намъ: если мы намѣрены разсуждать о какомъ либо предметѣ, то прежде всего мы должны уяснить для себя, что это за предметъ, о которомъ хотимъ разсуждать;—это называется поставить предметъ предъ своимъ мышленіемъ. Если мы намѣрены критиковать какое либо сочиненіе, то прежде всего должны опредѣлить, что это за сочиненіе, къ какому роду литературы оно относится, когда написано и проч. Вотъ напримѣръ, предъ

нами «записка о молоканской и другихъ сектахъ въ тамбовской епархіи,—высокопреосвященнѣйшаго Арсенія митрополита кіевскаго и галицкаго». Умѣющій отличать виды литературныхъ произведеній по ихъ заглавіямъ, встрѣтивъ такое заглавіе, прежде всего спросилъ бы: что это за сочиненіе? Запискою называется обыкновенно документъ оффиціальнаго или полуоффиціальнаго характера, излагающій мнѣніе или цѣлый проэктъ по предмету, относящемуся къ сферѣ административной, правительственной или соціальной. Если теперь предлежащая предъ нами записка есть такого рода документъ, то слѣдуетъ вопросъ: излагаемое въ немъ мнѣніе или проэктъ касается ли настоящаго, современнаго или прежде бывшаго, давно прошедшаго положенія предмета, о которомъ говорится? Если записка касается не настоящаго, а прошедшаго,—тогда она имѣетъ значеніе только историческаго документа; слѣдовательно и трактовать о ней можно только какъ объ историческомъ документѣ, опредѣливши отчетливо, къ какому времени она относится, и изучивши основательно положеніе вещей, въ ней трактуемыхъ, въ то время, а не въ настоящее. Безъ этого разсуждая о предметѣ вкривь и вкось, мы будемъ только, какъ говорится, воздухъ бить.

Конечно, редакція Трудовъ кіевской духовной академіи, давши въ своемъ журналѣ мѣсто запискѣ высокопреосвящен. митрополита, сдѣлала упущеніе, не сообщивши свѣдѣній о времени, къ какому она относится. Это, однакожъ нисколько не уполномочивало г. критика записки считать историческій документъ за проэктъ настоящаго и достоинства предлагаемыхъ въ немъ мѣръ противъ сектъ измѣрять современнымъ, теперешнимъ положеніемъ вещей. Критику нашему не было необходимости прибѣгать къ какимъ либо

особеннымъ соображеніямъ, чтобы опредѣлить время, къ какому относится составленіе записки; записка говоритъ сама за себя. Указывая на злоупотребленія гражданскихъ чиновниковъ, изъ за корысти потворствовавшихъ сектамъ, высокопреосвящ. митрополитъ писалъ (стр. 158): «Занимаясь дѣломъ обращенія сектантовъ въ продолженіи семилѣтняго моего пребыванія здѣсь (т. е. въ тамбовской епархіи) я много видѣлъ опытовъ и много имѣю сильныхъ доказательствъ въ подтвержденіе сей прискорбной истины, но я умалчиваю объ нихъ изъ снисхожденія къ обыкновенной слабости человѣческой и, быть можетъ, къ тяжкимъ семейнымъ нуждамъ, заставившимъ, блюстителей правосудія невольно уклоняться отъ пути праваго, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ начальникѣ тамбовской губерніи дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Корниловѣ я усматриваю человѣка съ характеромъ благороднымъ, прямодушнымъ и безкорыстнымъ, который безъ сомнѣнія ни самъ не допуститъ, ни другимъ не дозволитъ прежнихъ злоупотребленій по дѣламъ сего рода». Такому знатоку духоборческой секты, какимъ выдаетъ себя г. Лѣсковъ, послѣ этого нетрудно было видѣть, что критикуемая имъ записка написана высокопреосвященнымъ митрополитомъ Арсеніемъ около 1838 года во время управленія его тамбовскою паствою.

Если мы теперь съ г. критикомъ станемъ въ этомъ пунктѣ времени, то многое изъ высказываемаго въ запискѣ и предлагаемаго въ ней въ видѣ мѣры, надъ чѣмъ по мѣстамъ такъ сильно глумится онъ, не покажется страннымъ. Мы увидимъ тогда, что и правительство въ то время, когда писалась записка, иначе смотрѣло на сектантовъ, чѣмъ впослѣдствіи, что многія указываемыя въ запискѣ мѣры были приняты тогдаже или въ послѣдствіи времени прави-

тельствомъ и введены въ государственное законодательство, и даже выселеніе сектантовъ, вызвавшее у г. критика такое раздраженное негодованіе и неумѣренно длинное разсужденіе, считалось въ то время правительствомъ мѣрою пригодною.

Впрочемъ, можетъ быть, мы не вѣрно поняли г. критика, представляя, что онъ смотрѣлъ на записку высокопреосв. митрополита, какъ на проэктъ *дѣятельнѣйшихъ* (въ подлинникѣ *дѣйствительнѣйшихъ*) противъ сектъ мѣръ, которыми нужно руководиться въ настоящее время. Самъ критикъ (стр. 379) называетъ записку интереснѣйшимъ *историческимъ документомъ*, появившимся въ февральской книгѣ «Трудовъ Кіевской Духовной Академіи» за 1875 годъ. *Историческимъ* документомъ называется не тотъ, который написанъ сегодня или вчера; (замѣчаній г. критика на записку кіевскаго митрополита, *напечатанныхъ* нынѣ въ Гражданинѣ, вѣроятно ни онъ самъ, ни редакція Гражданина, не назовутъ историческимъ документомъ), а тотъ, который явился въ давнее время и принадлежитъ по этому исторіи, повѣствующей о дѣлахъ былыхъ дней. Если такъ г. критикъ понимаетъ смыслъ употребленнаго имъ выраженія о Запискѣ—*историческій документъ*; то послѣ этого мы крайне затрудняемся объяснить слѣдующія за этимъ названіемъ замѣчанія его, что послѣдній заключительный пунктъ этого интереснѣйшаго историческаго документа, появившагося въ февральской книгѣ Трудовъ Кіевской духовной Академіи за 1875 годъ, напечатанъ какъ бы при полномъ *забвеніи* освободительнаго манифеста, уничтожившаго крѣпостную зависимость, послѣ чего крестьяне ни отъ какихъ управляющихъ имѣніями не зависятъ и тѣ не могутъ ни удерживать ихъ отъ церкви, ни посылать въ нее,—

и что тому же *забвенію* совершившихся фактовъ должны быть приписаны и заботы о недозволеніи рекрутскаго найма, котораго теперь болѣе не существуетъ. (стр. 379). Благодаримъ за напоминаніе.

Обращаемся къ критическимъ пріемамъ г. Лѣскова. Въ этихъ пріемахъ встрѣчаемъ также много неудобообъяснимаго, если имѣть въ виду всѣмъ извѣстныя, прославленныя Гражданиномъ, его литературныя достоинства.

Въ Запискѣ высокопреосвящ. митрополита (стр. 149) читаемъ: «причины и побужденія, заставившія сектантовъ уклоняться отъ господствующей вѣры и общественнаго порядка у всѣхъ одинаковы: это честолюбіе, своекорыстіе, плотоугодіе и самоупрямство въ *начальникахъ*, и невѣжество и безсознательная подражательность, завлеченная и отуманенная порывомъ, имѣющимъ видъ добродѣтели—*въ толпѣ, имъ слѣпо послѣдующей*». Это мѣсто г. критикъ выписываетъ въ свою статью слово въ слово, только послѣднія подчеркнутыя нами слова измѣняетъ такъ: «въ толпѣ имъ *слѣпо вѣрятъ*». Не читавшій Записки высокопреосв. митрополита въ Трудахъ Академіи безъ сомнѣнія будетъ пораженъ грамматическою безмыслицею, какая является въ этой свободной варіаціи рецензента словъ Высокопреосвященнаго. Но зачѣмъ эта подтасовка своей фразы въ чуждую рѣчь? Ужели для того, чтобы имѣть случай пуститься въ разглагольствованіе о томъ, что у сектантовъ во все не *слѣпая вѣра* и этимъ разглагольствованіемъ сразить своего противника, какъ будто не понимающаго сектантовъ? (Такой критическій пріемъ едва ли гдѣ еще можно встрѣчать). Можетъ быть рецензентъ какъ либо проглядѣлъ текстъ Записки, откуда и вышло у него искаженіе текста. Въ такомъ случаѣ рекомендуемъ рецензенту снова прочитать это

мѣсто въ подлинникѣ, всмотрѣться и вдуматься въ него: это мѣсто классическое по рельефности и полнотѣ выраженія мыслей, которыми высокопреосвященный объясняетъ уклоненіе въ сектанство.

Доказывая высокопреосвященному, что правительство не подводитъ молокано-духоборческую секту подъ одну категорію съ обыкновенными раскольническими сектами, рецензентъ между прочимъ ссылается на законъ, по коему молоканы, духоборцы, иконоборцы, іудействующіе и скопцы лишались права ставить наемныхъ рекрутъ иначе, какъ изъ своей среды, и цитуетъ IV т. Св. зак. Но извѣстно ли г. критику, что цитуемое имъ постановленіе правительства, возбраняющее молоканамъ нанимать за себя рекрутовъ, послѣдовало только въ 1838 г. 30 апр., т. е. въ то время, когда составлялась Записка, и когда указанный законъ не былъ еще приведенъ въ общую извѣстность.

«На стр. 152, пишетъ критикъ (п. V). господинъ митрополитъ говоритъ: «молокано-духоборческая секта имѣетъ двѣ стороны: одну религіозную, а другую—политическую. Первую она небоязненно высказываетъ, ибо знаетъ, что за вѣру не преслѣдуютъ, хотя о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ предметахъ религіи, о нѣкоторыхъ мѣстахъ и книгахъ св. писанія объясняется двусмысленно загадками и иносказаніями, и вторую (т. е. политическую) тщательно скрываютъ». Не будемъ говорить, что это мѣсто выписывается изъ Записки высокопреосвященнаго съ пропусками, вслѣдствіе чего нѣкоторыя выраженія его въ передачѣ г. критика получаютъ другой оттѣнокъ. Что же замѣчаетъ на это мѣсто г. критикъ? «Во первыхъ, говоритъ, какъ я выше сказалъ, едва ли справедливо утверждать, что еретиковъ молокано-духоборческой секты за вѣру совсѣмъ не преслѣ-

дуютъ». Трудно понять, что имѣетъ здѣсь въ виду г. критикъ; ему какъ будто извѣстны особыя какія-то преслѣдованія *за вѣру*, простиравшіяся только на еретиковъ молокано-духоборческой секты. Намъ эти преслѣдованія неизвѣстны; но извѣстенъ законъ, который, по словамъ высокопреосвящ. митрополита, знаютъ и послѣдователи молокано-духоборческой секты. Законъ этотъ гласитъ: «*Раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ*; но запрещается имъ совращать кого-либо въ расколъ свой, подъ какимъ бы то видомъ ни было, чинить какіе либо дерзости противу православной церкви, или противу ея священно-служителей, и вообще уклоняться почему либо отъ наблюденія общихъ правилъ благоустройства, законами опредѣленныхъ» (св. зак. т. XIV уст. пред. прест. ст. 60). Законъ этотъ существуетъ въ русскомъ законодательствѣ съ давнихъ временъ, со временъ Алексѣя Михайловича.—«Во вторыхъ, продолжаетъ критикъ, «иносказательныя» толкованія книгъ св. писанія сими ере̇тиками, въ значительной мѣрѣ берутся изъ книги «Ключъ уразумѣнія», о которой упоминалъ, между прочимъ, въ своемъ, изъятомъ изъ обращенія, сочиненіи бывшій студентъ кіевской духовной Академіи, Орестъ Новицкій» и проч. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Своими доводами—*во первыхъ*, *во вторыхъ*, критикъ хотѣлъ сказать *господину митрополиту* что-то особенно важное и сильное противъ его сужденій и повелъ чрезвычайно рѣзкое разсужденіе о «Ключѣ разумѣнія», выражая свое изумленіе, до какого небреженія доходитъ большинство духовныхъ лицъ, *даже вовсе не зная, что въ сей книгѣ заключается*. Но мы рѣшительно не понимаемъ, по какой логической комбинаціи критикъ къ приведенному разсужденію высокопреосвященнаго митрополита привязалъ свою рѣчь

о «ключѣ разумѣнія», и притомъ съ такими рѣзкими обличеніями въ невѣжествѣ большинства духовныхъ лицъ, кажется, не исключая самаго *господина митрополита*. Рѣчь о «ключѣ разумѣнія» вовсе не къ дѣлу и она не вызывалась разсужденіями высокопреосвященнаго митрополита. Затѣмъ, если г. критику представляется, что иносказательныя толкованія книгъ св. писанія сими еретиками, въ значительной мѣрѣ (а не во всей мѣрѣ: къ чемужъ послѣ этого тутъ раздражаться?) берутся изъ книги «ключь разумѣнія», то это мнѣніе только г. критика, да студента Новицкаго. Лица болѣе компетентныя понимаютъ дѣло совсѣмъ иначе (смотр. Ист. Р. церкви Филарета архіеп. черниг. пер. V стр. 65 прим. 213 правосл. соб. 1859 г. 1. стр. 298—323).

(Окончаніе въ слѣд. №).

Прот. *А. Воскресенскій.*

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПУСТЫНЯ.

(Лѣтомъ, по дорогѣ къ Мертвому морю).

Я все еще не свыкнусь и крещусь,
Что вотъ и я въ пустынѣ палестинской;
На осликѣ тихонечко плетусь,
Дивуяся, какъ странникъ украинскій.

—

Еще таки за городомъ святымъ,
Хоть кое-гдѣ, виднѣются маслины;
Но чуть изъ глазъ ушелъ Ерусалимъ
Насъ обняла пустыня Палестины.

—

По горному торчащему ребру—
Не знаю я—ползу ли я иль ѣду:
Какъ ни гляжу, никакъ не разберу
Извилисто проложеннаго слѣду.

—

А горъ-то, горъ!... Тѣ къ небу возстаютъ,
Тѣ по доламъ въ сіяньи пламенѣютъ,
Тѣ клиньями на встрѣчу намъ идутъ,
Тѣ издали привстали и синѣютъ...

—

Подумаешь—вотъ взъѣдешь на просторъ,
Нѣтъ, вновь гора раскинется широко:
Опять ползи, цѣпляйсь—до новыхъ горъ,
И тѣмъ горамъ конца не видитъ око.

—

Кругомъ они обсѣли, улеглись,
Попутались, гора ползетъ на гору,
И сплошь по нимъ куда не оглянись,
Лишь сизые каменья блещутъ взору.

—

А вонъ глядятъ пещеры по верхамъ;
Тамъ жили встарь извѣстные лишь Богу,
Молясь, постясь, приказывая львамъ;
Теперь тамъ звѣри смотрятъ на дорогу!

—

Такая глушь печальная встаетъ,
Что, кажется, и въ свѣтѣ нѣтъ похожей:
Ни путникъ здѣсь, ни стадо не пройдетъ,
Ни въ воздухѣ не видно птички Божьей!

—

Лишь въ рѣдкій день сберутся въ уголокъ
Съ веревками на челахъ бедуины,

И ждутъ они, что хлѣба хоть кусокъ
Удѣлятъ имъ пришельцы Палестины.

—

Вонъ вьется дымъ въ удольи небольшомъ
Изъ черныхъ ихъ и низенькихъ палатокъ,
И къ вамъ изъ нихъ бѣжитъ за бакшишомъ [1])
Толпа нагихъ оливковыхъ ребятокъ.

—

Вы смотрите на крошечный народъ—
И жалко вамъ: безъ хлѣба, безъ наряда,
Худой, сухой, въ пустынѣ цѣлый годъ,
Чѣмъ онъ живетъ? и въ чемъ его отрада?!..

—

Пусть падаетъ скорѣй бакшишъ изъ рукъ
Пускай дѣтей порадуетъ подача:
Вѣдь послѣ ужъ—ни рѣчь, ни гулъ, ни звукъ
Не встрѣтятъ васъ во всей «*Юдоли Плача*».

—

Лишь мысль одна пугливо вамъ твердитъ:
Не человѣкъ такъ тягостно караетъ,
Не вѣкъ, не два такъ грустно все молчитъ,
Не человѣкъ одинъ здѣсь горе знаетъ!

—

Здѣсь вся земля разбита: вонъ торчатъ
Развалины, обрывы да обвалы:
Вотъ пропасти чернѣютъ; тамъ грозятъ
Нависшія расколотыя скалы.

—

Вотъ мечется ровчакъ туда—сюда
И ширится оврагомъ и долиной;

---

[1]) Арабское слово, соотвѣтственное нашему «подарокъ».

Когда-то встарь шумѣла здѣсь вода,
А ныньче нѣтъ ни капельки единой!

—

Осколки лишь одни—печальный слѣдъ
Отъ славнаго Кедронскаго потока!
И всюду знакъ какихъ-то тяжкихъ бѣдъ,
Нигдѣ кругомъ отрады нѣтъ для ока!

—

Ничто здѣсь не цвѣтетъ, не шелеститъ,
Поникло все, посохло, погорѣло;
Лишь кое-гдѣ тамъ кустикъ задрожитъ
И тотъ усохъ—въ безлюдьи надоѣло!

—

А солнышко огнемъ какъ будто льетъ
На известнякъ съ безоблачнаго неба:
Глядѣть—бѣда! а чтожь трудовъ-заботъ,
Чтобъ здѣсь добыть кусокъ насущный хлѣба!

—

О, Боже мой! зачѣмъ бы здѣсь была
Угрюмая, безплодная пустыня,
Гдѣ нѣкогда Небесная цвѣла
Творящая, Хранящая Святыня!

—

Ахъ, это ли тотъ край, что въ простотѣ
Прославили отцы «пустыня-мати»?!
Гдѣжь та краса, живые звуки тѣ,
Дарившіе имъ столько благодати?!

—

Здѣсь грустно и глядѣть на бѣлый свѣтъ!
Вотъ такъ порой въ душѣ печально станетъ,

Какъ вѣра въ насъ—сей тайный, нѣжный цвѣтъ—
Безъ присмотра сердечнаго завянетъ...

—

Охъ, Боже мой! какъ взять дѣла свои,
Душа моя—такая же пустыня:
Ни правды въ ней, ни мира, ни любви,
Одна только, какъ горы тѣ, гордыня!

—

Священный край въ душѣ не шевелитъ
Ни радости, ни горести о Богѣ;
А что грѣховъ на совѣсти лежитъ—
Какъ будто бы тѣхъ камней по дорогѣ!

—

Когда жь добромъ проникнусь я, когда?
Мой день уже смеркается... ужь поздно...
Встаетъ туманъ... не блещетъ и звѣзда:
Душа моя, какъ будущее грозно!...

21 мая 1873 г.
Іерусалимъ.

С. Пономаревъ.

АРСЕНІЙ МОГИЛЯНСКІЙ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ, И ЕГО ЗАБОТЫ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ ПРОПОВѢДНИЧЕСКАГО ДѢЛА (ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА).

(Окончаніе) [1].

Проповѣдничество въ кіевской епархіи при митр. Арсеніи Могилянскомъ.

При каѳедрѣ Софійскаго собора были постоянные каѳедральные проповѣдники. Въ число этихъ проповѣдниковъ

[1]) См. № 12 епарх. вѣд.

часто были назначаемы учители академіи. Такъ 13 октября 1758 года Митрополитъ Арсеній назначилъ каѳедральнымъ проповѣдниковъ іерея Константина Крыжановскаго, бывшаго въ академіи учителемъ нѣмецкой школы. Крыжановскій оставленъ при прежней должности, и для ѣзды въ соборъ велѣно давать ему подводу изъ Братскаго монастыря. [1]), 13 Іюля 1761 года, по волѣ митрополита, третьимъ каѳедральнымъ проповѣдникомъ былъ назначенъ учитель піитики іеромонахъ Игнатій. [2]), Кромѣ того воспитанники академіи назначались на проповѣдническія должности въ разныя мѣста. 12 генваря 1754 года митрополичій каѳедральный намѣстникъ игуменъ Іосифъ доносилъ митрополиту [3]), что въ Софійскомъ монастырѣ есть слѣдующіе люди, слушавшіе богословію въ академіи, іеромонахи: Гервасій Здурскій и Товія Юскевичъ, іеродіаконы: Рафаилъ Крыжановскій, Веніаминъ Ясновидскій и Авксентій Сокологорскій; монахъ Касторъ Олсировскій; іеромонахъ же Давидъ Сухозагрѣшъ обучался въ нѣмецкихъ странахъ, гдѣ прошелъ цѣлый курсъ философіи, математики, медицины и нѣмецкаго языка.

Вслѣдствіе этого митрополитъ Арсеній велѣлъ [4]), *показанныхъ монашествующихъ освидѣтельствовать каѳедральнымъ проповѣдникамъ въ сложеніи и сказываніи предикъ*. 17 іюня тогоже года послѣдовало доношеніе митрополиту отъ каѳедральныхъ проповѣдниковъ іеромонаховъ Павла и Тарасія, что они испытывали въ сказываніи предикъ

---

[1]) Акты К. Бр. монаст. т. II. № 11.

[2]) Тамже № 32.

[3]) Вслѣдствіе его резолюціи отъ 12 генваря 1754 г. за № 164. Акты. II т. № 14.

[4]) 13 генваря 1754 года.

іеромонаха Товію Юскевича и іеродіаконовъ Веніамина Ясновидскаго и Авксентія Сокологорскаго. Эти люди были назначаемые на предики и сказывали ихъ достойно похвалы и съ пользой для слушателей. Посему митрополитъ [1]) опредѣлилъ іеромонаха Товію Юскевича проповѣдникомъ въ Крестовоздвиженскій Полтавскій монастырь, Авксентія Сокологорскаго въ Свято-Троицкій Густынскій, а Веніамина Ясновидскаго въ Благовѣщенскій Нѣжинскій. Они опредѣлены были *«для народной пользы въ тѣхъ мѣстахъ»* и имъ, *какъ людямъ учительнымъ и трудящимся въ проповѣди слова Божія* велѣно быть первыми по намѣстникахъ тѣхъ монастырей, получать соборную порцію, одежду цѣною въ 50 рублей, *предики въ тѣхъ монастыряхъ часто и прилежно сказывать* и по третямъ года доносить о своей проповѣднической должности митрополиту. Одинъ изъ этихъ проповѣдниковъ іеродіаконъ Авксентій Сокологорскій недолго пробылъ на проповѣднической должности въ Густынскомъ монастырѣ. Сохранившееся въ рукописи, разобранное нами, дѣло объ Авксентіѣ раскрываетъ намъ нѣкоторыя любопытныя данныя какъ относительно положенія этихъ проповѣдниковъ (т. е. назначавшихся изъ Кіева), такъ и пользы, какую они приносили. Скоро по прибытіи въ Густынскій монастырь [2]) Авксентій подалъ прошеніе митрополиту Арсенію объ увольненіи его отъ проповѣднической должности, выставляя такія причины: 1) слабость зрѣнія, лишающую его возможности читать не только при свѣчкѣ, но и днемъ; 2) недостатокъ въ томъ монастырѣ народа, которому онъ могъ

---

[1]) Указомъ отъ 30 іюня тогоже года.

[2]) Прибылъ въ монастырь 5 августа, а 13 сентября тогоже года подалъ прошеніе. Акты т. II. дѣло № 15.

бы говорить проповѣди. Кромѣ того онъ жаловался на скудость пищи, недостатокъ въ одеждѣ и обуви, говорилъ, что у него нѣтъ даже самаго необходимаго—клобука, свитки и т. п. Митрополитъ сочувственно отнесся къ положенію проповѣдника и предписалъ архимандриту Густынскаго монастыря [1]) немедленно увѣдомить его: какая порція дается Авксентію, выданы ли ему деньги на одежду и получилъ ли онъ все нужное. А Авксентію, по слабости зрѣнія, предписывалъ рѣже говорить предики. 23 декабря 1759 послѣдовало требуемое доношеніе отъ архимандрита Густынскаго монастыря Митрофана митрополиту. Выписываемъ самый текстъ доношенія довольно любопытный. «Въ постные и въ праздничные дни, если бываетъ въ приносъ свѣжая рыба, то какъ въ трапезѣ для меня (т. е. архимандрита) и братіи, въ томъ числѣ и ему проповѣднику (т. е. Авксентію) надлежащая порція (дается), когда пожелаетъ въ трапезѣ съ братіею, а когда нѣтъ, то, по требованію его, въ келію производится; такожъ вина, меду, водки и простой горѣлки, сколько онъ проповѣдникъ потребуетъ, никогда отказу ему не бываетъ; въ буденные же (дни), когда нѣтъ рыбы свѣжей, то какъ для меня и въ трапезѣ, якая имѣется при монастырѣ рыба вялая, такой и ему проповѣднику въ келію дается; въ мясницѣ же какъ въ трапезѣ егда бываетъ рыба свѣжая, то борщъ, шара, варсники или каша съ молокомъ, такъ и ему проповѣднику, когда пожелаетъ въ трапезѣ, а когда нѣтъ, то, сколько чего потребуется, дается; такожъ и напитокъ производится безъ отказу; что же надлежитъ до выдачи ему проповѣднику изъ опредѣленной цѣны

---

[1]) 21 сентября 1759 года.

одѣянія или деньги; то по содержанію онаго указа [1]) въ треть или двѣ трети года имѣетъ быть производиться». [2]) Арсеній оставленъ при прежней должности, но въ слѣдующемъ 1760 года онъ снова проситъ митрополита [3]) уволить его отъ проповѣднической должности, выставляя на видъ крайнюю слабость зрѣнія, по которой *литеры ему показуются какъ въ густомъ туманѣ*, а если станетъ читать что, то *въ глазахъ какъ песокъ мулитъ.* Жалобъ на недостатокъ въ пищѣ и содержаніи уже не слышно. Вмѣстѣ съ этимъ Арсеній проситъ Митрополита—дать ему другое послушаніе, именно: позволить стоять при образѣ (въ Софійскомъ монастырѣ), когда люди приходятъ въ Кіевъ на богомолье къ Николаеву дню и на другіе праздники, записывать имена и деньги собирать, что онъ и прежде усердно исполнялъ (по его словамъ). Митрополитъ внялъ его просьбѣ, уволилъ его отъ проповѣднической должности [4]) и возвратилъ въ каѳедральный Софійскій соборъ.—Дѣло Арсенія показываетъ, что въ монастыряхъ вообще смотрѣли невыгодно на проповѣдниковъ, занимавшихъ первое мѣсто по настоятелѣ и пользовавшихся нѣкоторыми привиллегіями. Понятно, что содержаніе проповѣдниковъ было обременительно для монастырей. Самъ проповѣдникъ Авксентій, какъ видно, не былъ особенно расположенъ къ своей должности. Жалуясь на слабость зрѣнія, онъ въ тоже время просился записывать имена и *собиратъ денъги*..... Можетъ быть это послѣднее и влекло его въ Кіевъ. Не даромъ онъ писалъ митро-

[1]) Разумѣется указъ отъ 30 іюня тогоже года, упомянутый раньше.

[2]) Акты II. т. № 15.

[3]) Тамже.

[4]) 16 Февраля 1760 года.

политу, что его *печаль снѣдаетъ* въ Густынскомъ монастырѣ.

Нѣкоторые сохранившіеся документы [1]) ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ митрополитъ Арсеній высоко смотрѣлъ на дѣло проповѣдничества. Онъ принималъ самыя разумныя мѣры къ его улучшенію, отдавая въ тоже время должную дань академіи, учителямъ которой поручалъ пересмотръ проповѣдей [2]). Взглядъ его на важность и значеніе проповѣди выраженъ такъ: «Преосвященный Арсеній, митрополитъ кіевскій, галицкій и малыя Россіи, въ разсужденіи того, что проповѣданіе слова Божія душамъ человѣческимъ такъ нужно, какъ хлѣбъ тѣлу, по оному: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ*, въ епархіяхъ же его преосвященства имѣются священники и діаконы учительные, кои по ученію своему въ пользу душъ человѣческихъ проповѣдывать слово Божіе могутъ, но о томъ большая ихъ часть не брегутъ и не проповѣдуютъ, не разсуждая той пользы, и своей должности, повелѣлъ.... «А повелѣлъ митрополитъ вотъ что: послать указъ во всѣ епархіи, ему подвѣдомыя, въ духовныя правленія и къ протопопамъ *съ крѣпкимъ подтвержденіемъ*, чтобы они какъ сами сказывали проповѣди, такъ обязали священниковъ и діаконовъ (учительныхъ людей, т. е. учившихся) часто говорить проповѣди въ праздничные и воскресные дни въ соборныхъ или въ другихъ церквахъ, по усмотрѣнію правленій, гдѣ полезнѣе будетъ для народа. Проповѣди должны быть пере-

---

[1]) Акты т. III. № 5.

[2]) Тамже. Дѣло «О сказываніи проповѣдей и пересмотрѣ оныхъ Академіею».

смотрѣны протопопами и правленіями. Если же въ городахъ не окажется достаточнаго числа священниковъ и діаконовъ (учительныхъ), то приглашать для этого изъ ближнихъ селъ. Впрочемъ нужно наблюдать, чтобы церкви священниковъ, отправлявшихся въ городъ, не оставались безъ служенія. Далѣе митрополитъ предписываетъ, чтобы изъ каждой протопопіи и изъ каждаго монастыря по третямъ года были присылаемы рапорты съ увѣдомленіемъ, сколько (въ извѣстной протопопіи и монастырѣ) есть учительныхъ священниковъ и діаконовъ, кто они и въ какой школѣ учились, далѣе—въ какихъ церквахъ, кѣмъ и сколько проповѣдей будетъ сказано. «Если же кто», пишетъ митрополитъ, и изъ учительныхъ людей, могущихъ пользовать народъ проповѣдію слова Божія, окажется нерадивъ въ томъ, или ослушается, или будетъ упорствовать и представлять неправильныя отговорки, о томъ немедленно доносить ему, запрещая имъ священнослуженіе и опредѣляя на мѣста такихъ священниковъ тѣхъ, которые будутъ получать половину жалованья, а другую часть должно хранить съ записью до указа. Въ нѣкоторыхъ же городскихъ и сельскихъ церквахъ, гдѣ не будетъ такихъ наизустныхъ проповѣдей, митрополитъ приказываетъ прочитывать въ тѣ дни нравоучительныя слова изъ Пролога, *внятнѣйшая нравоученія* изъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго и изъ прочихъ книгъ такія же слова, а въ другое время читать книги, одобренные указами, какъ-то: толкованіе заповѣдей Божіихъ, символа вѣры и молитвы Господней, православное исповѣданіе вѣры. При этомъ священники всегда, по словамъ митрополита, должны показывать себя образомъ для своихъ словесныхъ овецъ,—жизнію, любовію, вѣрою, духомъ, чистотою, не драться и не ссориться братъ съ братомъ, уклоняться отъ вражды и тяжбъ,

какія (какъ изъ дѣлъ видно, по словамъ митрополита) весьма умножились, такъ какъ при подобныхъ ссорахъ, дракахъ и злобныхъ тяжбахъ ни служеніе и никакая жертва не можетъ быть пріятна Богу, а для народа это служитъ большимъ соблазномъ. И самое непочтеніе народа къ духовенству зависитъ отъ того, что онъ замѣчаетъ въ своихъ наставникахъ пьянство, лихоиманіе и другія непостоянства. Вотъ почему предусмотрительный архипастырь предписываетъ, чтобы протопопы и духовныя правленія строго наблюдали за жизнію духовенства, добрыхъ побуждали, а злыхъ отвращали отъ ихъ дѣйствій всѣми возможными способами; если же они (то есть протопопы) плохо будутъ смотрѣть за духовенствомъ, то лишатся своего чина. Въ заключеніе митрополитъ предписываетъ по третямъ года доносить ему какъ о жизни духовенства, такъ и объ ихъ проповѣднической дѣятельности [1]).—Исполнялось ли въ точности предписаніе митрополита? Сохранившаяся *репортиція* за майскую треть 1761 года [2]) показываетъ, что изъ 37 протопоповъ и игуменовъ большая половина (20) не репортовали о ходѣ проповѣдничества въ ихъ вѣдомствахъ. Да и находящійся въ подлинникѣ указъ митрополита отъ 5 марта 1764 года показываетъ, что его распоряженіе далеко не вездѣ исполнялось. Въ этомъ указѣ митрополитъ прежде всего указываетъ на воронежскую протопопію, въ которой не было исполнено его распоряженіе отъ 27 декабря 1760 года. Онъ говоритъ, что воронежская протопопія со времени изданія указа не извѣстила, сколько въ ней учительныхъ

---

[1]) Акты т. III. № 5. Указъ Консисторіи отъ 31 декабря 1760 г.

[2]) Она приложена къ этому же дѣлу.

священниковъ и діаконовъ, кто они именно, гдѣ и по какую школу обучались, кѣмъ и сколько проповѣдей сказано, далѣе и по остальнымъ пунктамъ указа (27 дек. 1760 г.) протопопъ Іоаннъ по третямъ года не рапортовалъ. Затѣмъ немедленно предписываетъ исполнить его приказаніе и представить причины, почему оно не исполнялось. Также велѣлъ послать указъ и другимъ протопопамъ и игуменамъ, неисполнившимъ его предписанія. Но и при такомъ небрежномъ отношеніи къ дѣлу воронежскаго протопопа и правленія, въ самомъ Воронежѣ [1]) нашелся одинъ усерднѣйшій проповѣдникъ. Онъ достоинъ того, чтобы о немъ сказать подробно. Это былъ іерей Гавріилъ Яновскій, состоявшій священникомъ при воронежской Покровской церкви и бывшій *цѣлоепархіальнымъ настоятелемъ.* Въ своихъ доношеніяхъ митрополиту [2]) онъ представляетъ, что со времени своего рукоположенія въ священника въ продолженіи 7 лѣтъ употребляетъ всѣ силы на проповѣдь слова Божія. Во всѣ воскресные и праздничные дни онъ поучалъ своихъ прихожанъ десятословію, кромѣ того въ соборной и другихъ церквахъ часто говорилъ проповѣди. Потому одну свою проповѣдь «*приложа труда*» посылаетъ къ митрополиту, прося его чтобы онъ позволилъ ему въ храмовые дни и во время разныхъ церемоній (напр. при освященіи церквей) говорить проповѣди въ церквахъ не только города Воронежа, но и находящихся внѣ его, но въ тойже протопопіи. При этомъ обѣщалъ *надлежаще* готовиться къ сказыванію проповѣдей. Вмѣстѣ съ этимъ о. Гавріилъ хотѣлъ удовлетворить и свое честолюбіе, прося митрополита дозволить ему какъ въ духовномъ правленіи, такъ и во всѣхъ церемоніяхъ

---

[1]) Дѣло въ III. т. подъ № 5.

[2]) Два донесенія, изъ которыхъ одно 29 декабря 1762 г., а другое 2 генваря 1764 года.

занимать первое мѣсто по протопопѣ. Митрополитъ охотно согласился исполнить просьбу Яновскаго, дозволилъ ему говорить проповѣди не только въ Воронежѣ, но и внѣ его, въ праздничные и церемоніальные дни, а для поощренія его дѣятельности приказалъ поставить его въ числѣ кандидатовъ на воронежскаго намѣстника, который былъ избираемъ изъ учительныхъ людей [1]). Давая такую привилегію о. Гаврiилу, митрополитъ Арсеній хотѣлъ и лично узнать его, для чего предписалъ явиться ему въ Кіевъ и привезти свои проповѣди.

Въ заключеніе упомянемъ объ одномъ важномъ распоряженіи преосвященнаго архипастыря, въ которомъ выражается и забота о проповѣди и вмѣстѣ съ тѣмъ высокое мнѣніе объ учителяхъ академіи. Имъ онъ поручаетъ пересмотръ проповѣдей, какъ людямъ самымъ свѣдущимъ и твердымъ въ христіанскихъ истинахъ [2]). 4 іюля 1762 года митрополитъ велѣлъ ректору и учителямъ академіи избрать изъ своей среды учительныхъ людей, хорошо знающихъ греческій языкъ для пересмотра и исправленія бесѣдъ святаго Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина и, находящихся въ Прологѣ, разныхъ нравоучительныхъ словъ. Академія весьма сочувственно отнеслась къ этому дѣлу и 9 іюля тогоже года избрали для этой цѣли—учителя реторики іеромонаха Виктора, іеромонаха Ефрема, состоявшаго въ то время на проповѣднической должности въ Нѣжинскомъ монастырѣ, учителя синтаксимы іеромонаха Никодима и учителя аналогіи монаха Кассіана. Митрополитъ утвердилъ это избраніе, впрочемъ не велѣлъ дожидаться прибытія Ефрема изъ Нѣжинскаго монастыря, а приказано немедленно тремъ учителямъ «оныя проповѣди, взявъ оныхъ аригиналы откуду надлежитъ, прилежно пересматривать и всѣ какъ въ рѣчахъ, такъ и въ текстѣ имѣющіяся неисправности исправлять» [3]).

К. Корольковъ.

---

[1]) Указъ митр. отъ 5 марта 1764 года.
[2]) Указъ отъ 12 іюля 1762 г.
[3]) Т. III. Дѣло подъ № 5.

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ КІЕВА И КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Актъ въ Кіевской д. академіи. Въ воскресенье 28 сентября въ 1 часъ дня въ торжественной залѣ кіевской дух. академіи происходилъ годичный актъ. Э. о. профессоръ академіи А. А. Олесницкій, въ прошедшемъ году возвратившійся изъ годичной командировки въ Палестину, прочелъ или, говоря точнѣе, сказалъ весьма оживленную и любопытную рѣчь *о судьбахъ изученія древностей святой земли*. Секретарь акад. совѣта И. П. Исаевъ прочелъ извлеченіе изъ отчета о состояніи академіи за истекшій учебный годъ. Собраніе почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвящ. митрополитъ Арсеній, совершившій въ тотъ день въ Братской церкви божественную литургію, преосв. Порфирій, генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, тайный совѣтникъ Юзефовичъ, графъ М. В. Толстой, (почетный членъ кіевской академіи, нарочито прибывшій изъ Москвы для академическаго торжества),—вице-губернаторъ Гудимъ-Левковичъ, управляющій контрольною палатою Борисовъ, начальникъ мѣстныхъ жандармовъ Павловъ, намѣстникъ лавры архим. Варламъ, архим. Мелхиседекъ, протоіереи Лебединцевъ, Ѳавор овъ, Смолодовичъ, Оглоблинъ, Ждановъ и другіе лица изъ кіевскаго духовенства, нѣсколько профессоровъ университета и довольно много публики. Собраніе продолжалось около часу и было заключено пѣніемъ народнаго гимна: *Боже, царя храни*.

Пріемъ студентовъ въ Кіевѣ. Въ текущемъ году въ студенты Кіевской академіи принято 31 человѣкъ, въ студенты университета,—185; послѣдніе большею частію на медицинскій факультетъ.

Несправедливыя нареканія. «Кіевлянинъ» (№ 76), помѣстилъ на своихъ столбцахъ якобы пяти крестьянъ Сквирскаго уѣзда села Попельной заявленіе о томъ, что приходскій священникъ притѣсняетъ ихъ и что будто вслѣдствіе такого притѣсненія они вынуждены будутъ принять штундизмъ.

Священникъ Б., на котораго сдѣланъ доносъ въ «Кіевлянинѣ», довольно искусно поддѣланный подъ крестьянскій языкъ,—примѣрный пастырь, прекрасный семьянинъ, образцовый хозяинъ, служитъ украшеніемъ мѣстнаго духовенства, любимъ и уважаемъ своими пасомыми. Вся вина его въ томъ, что онъ для обезпеченія своего семейства на случай своей смерти (священникъ слабаго здоровья) купилъ кусочекъ земли подлѣ вокзала, построилъ на ней домъ и показался нѣкоторымъ личностямъ опаснымъ конкуррентомъ,—что онъ заботится о томъ, чтобы три тысячи рублей, слѣдуемые крестьянамъ за землю, занятую у нихъ подъ полотно желѣзной дороги и пожертвованные крестьянами на церковь, попали въ церковный кошелекъ; а сіе послѣднее инымъ очень не нравится...

Вслѣдствіе рапорта оговореннаго священника, благочинный 3-го округа Сквирскаго уѣзда о. Витвицкій, пригласилъ двухъ почетнѣйшихъ священниковъ, мѣстнаго духовника Павла Шпаковскаго и 4-го округа благочиннаго протоіерея Брояковскаго, сдѣлать дознаніе въ селѣ Попельной. Когда копія подлиннаго заявленія была прочитана въ церкви собравшимся прихожанамъ, послѣдніе были удивлены измышленіемъ и дерзостію неизвѣстныхъ имъ лицъ и заявили, что въ написаніи пасквильнаго заявленія не принимали никакого участія, что своимъ священникомъ весьма довольны и о штундизмѣ ничего не вѣдаютъ.

Подложно подписанные подъ заявленіемъ подозрѣвая въ продѣлкѣ волостнаго старшину, обратились къ послѣднему съ угрозами. Старшина палъ на колѣни, полагалъ на себѣ крестныя знаменія, клялся и божился, что онъ на батюшку ничего не писалъ.. (Изъ *Церк. О. В.* № 99).

Въ 87 № *Кіевлянина* было помѣщено заявленіе противъ другаго священника крестьянъ другой мѣстности, которое по дознаніи также оказалось чистою клеветою. Сами крестьяне опровергли жалобу и признали ее клеветою на священника. Вотъ это опроверженіе: «1875 г. августа 3-го, бердичевскаго уѣзда, м. Вахновки крестьяне-собственники, собравшись въ домъ вахновскаго правленія, слушали замѣтку журнала «Кіевлянинъ» № 87 о поступившемъ будто заявленіи въ редакцію отъ крестьянъ нашего общества о вымогательствахъ нашего приходскаго священника, при исполненіи имъ христіанскихъ требъ; постановили: просить редакцію «Кіевлянина» помѣстить въ ближайшемъ № своего журнала слѣдующій нашъ справедливый отзывъ на взведенную клевету на священника нашего. Сколько намъ извѣстно, никто изъ православныхъ нашихъ прихожанъ никогда не жаловался никому на священника нашего, 20-й годъ служащаго при нашей приходской церкви, который всегда честнымъ, аккуратнымъ и безъинтереснымъ исполненіемъ своихъ пастырскихъ обязанностей, не подалъ даже случая въ комъ нибудь изъ насъ къ нареканіямъ на его дѣйствія, а потому заявленіе, будто священникъ вымогаетъ съ насъ за крестины, вѣнчанія и погребенія отъ 5 до 20 р., несправедливо; слова же въ доносѣ: «мы и сами бы своихъ мертвецовъ ховали, да боимось гласнаго суда, къ которому може притягнуть насъ самъ же нашъ панъ-отецъ», мы признаемъ безсовѣстною клеветою, такъ какъ не только взрослыхъ, но и младенцевъ

мы хоронимъ по христіанскому обряду, погребеніе умершихъ безъ напутствованія ихъ святыми молитвами мы почитаемъ великимъ грѣхомъ, до котораго не допускалъ насъ приходскій священникъ, да думаемъ, что и мы сами не дойдемъ до него. Что же касается доноса, что мы обязательно работаемъ нашему священнику «паньщину»,—заявляемъ, что пособлять священнику безъ принужденія въ его матеріальныхъ нуждахъ мы почитаемъ дѣломъ добрымъ, въ которомъ намъ никто не можетъ препятствовать, такъ какъ и нашему священнику не воспрепятствуетъ никто помогать нашимъ духовнымъ нуждамъ». («Кіевлянинъ», № 96).

Лживые доносы въ здѣшнемъ краю не рѣдкость. Въ малороссійской исторіи (еще съ XVII вѣка) мы тьму подобныхъ примѣровъ слышимъ. И ни въ чемъ такъ не выразилась нетвердость нравственныхъ основъ, шаткость и колебаніе здѣшняго общества, какъ въ этой страсти къ ябедамъ,—въ стремленіи подкопаться другъ подъ друга. Но удивительно, почему редакція *Кіевлянина*,—которая на столько разсудительна, что должна бы быть и справедливою—гостепріимно и довѣрчиво открываетъ свои столбцы для подобныхъ заявленій. Неужели въ силу пословицы, что *охотно вѣрится тому, чему хочется вѣрить?*

«Здѣшній край *русскій, русскій, русскій*», настойчиво заявлялъ редакторъ *Кіевлянина*, обозначая программу своего изданія. Совершенно вѣрно. Позволяемъ себѣ спросить: въ какомъ отношеніи къ этой программѣ находится поспѣшная и несправедливая диффамація сословія [1]), которое въ теченіе

---

[1]) Мы говоримъ *сословія*, а не *отдѣльныхъ личностей*, потому что изъ единичныхъ и невѣрныхъ фактовъ сейчасъже дѣлается обобщеніе, или чаще даже обобщеніе предшествуетъ, а единичные и невѣрные факты только прилаживаются для того, чтобы придать ему нѣкоторый видъ правдоподобія.

трехъ предшествующихъ столѣтій напрягало всѣ силы въ борьбѣ изъ за того, чтобы край не пересталъ быть русскимъ, и которое до сихъ поръ служитъ носителемъ русской интеллигенціи края!

Церковно-строительное дѣло. (Изъ 103 № Ц. Общ. Вѣстн.). Въ «Русскомъ Мірѣ» передаютъ въ видѣ слуха, что на церковно-строительныя работы по юго-западному краю въ 1876 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ испрашивается къ ассигнованію въ законодательномъ порядкѣ 220,755 рублей, изъ числа которыхъ предназначается: 94,415 руб. на Кіевскую губернію. Ближайшее распредѣленіе работъ проектируется слѣдующее: по кіевской губерніи: продолженіе начатыхъ построекъ по сооруженію каменныхъ церквей въ городахъ Звенигородкѣ и Сквирѣ, въ мѣстечкахъ: Заболотьѣ, Смѣлѣ и Чернобылѣ и въ селеніи Орловцѣ, и деревянныхъ церквей въ селеніяхъ: Багвѣ, Волчковѣ, Нападовкѣ, Павловкѣ, Пединовкѣ, Пляховой, Росохватцѣ и Шукай-водѣ.

Печатать дозволяется 2 Октября 1875 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Тип. аренд. С. В. Кульженко.